

ОТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ И ЦЕРКВИ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ: КАМПАНИЯ ПО ИЗЪЯТИЮ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Статья посвящена проблеме взаимоотношений государства и церкви в начале 1920-х годов. Одним из главных событий в этот период стала кампания по изъятию церковных ценностей в связи с голодом в Поволжье 1921–1922 гг. Изъятие церковных ценностей преследовало в большей степени не финансово-материальные, а, скорее, политически-идеологические интересы государства.

Ключевые слова: изъятие церковных ценностей, Самарская губерния, голод в Поволжье, церковь, патриарх Тихон.

Современная историография проблемы взаимоотношений государства и церкви весьма обширна и интересна тем, что большая часть документов, публикуемых сегодня, ранее была засекречена. Это документы, касающиеся партийно-государственного подавления религии и церковных организаций в РСФСР–СССР, хранящиеся в фондах Политбюро ЦК РКП (б), Агитпропа, СНК, ВЦИК, ВЧК–ГПУ–ОГПУ, личных фондах В.И. Ленина, Е.М. Ярославского, Ф.Э. Дзержинского. В книгах собраны документы по «антирелигиозной работе», о плане разгрома Русской православной церкви, о создании Политбюро и Лубянской обновленческой церкви, о подготовке в 1922–1925 гг. судебного дела патриарха Тихона [3; 6; 7; 10; 11]. Чрезвычайно значимым в этом контексте представляется анализ событий, связанных с государственной кампанией по изъятию церковных ценностей.

В данной работе предпринята попытка осветить события, относящиеся к периоду голода 1921–1922 гг. в Поволжье. Важным событием в жизни Русской православной церкви и России в целом в связи с голодом стала широкомасштабная кампания по изъятию церковных ценностей. 23 февраля 1922 г. был издан декрет ВЦИК «О порядке изъятия церковных ценностей в пользу голодающих». В нем, в частности, говорилось: «Ввиду неотложной необходимости спешно мобилизовать все ресурсы страны, могущие послужить средством борьбы с голодом в Поволжье... ВЦИК постановил:

Предложить местным Советам в месячный срок со дня опубликования сего постановления изъять из церковных имуществ, переданных в пользование групп верующих всех религий, по описям и договорам все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа, и передать в органы НК Финансов со специальным назначением в фонд Центральной комиссии помощи голодающим...» [1]. На местах были созданы губернские и уездные комиссии по изъятию церковных ценностей, председателем Самарской губернской комиссии стал глава Самгубкомпомгола В.А. Антонов-Овсеенко [2, д. 37, л. 196].

* © Захарова Л.Б., 2013

Захарова Людмила Борисовна (zakharova_luda@mail.ru), кафедра гуманитарных и правовых дисциплин Самарской академии государственного и муниципального управления, 443084, Российская Федерация, г. Самара, ул. Стара Загора, 96.

Исследуя ход кампании по изъятию церковных ценностей, вызвавшей столь мощный резонанс в обществе, нельзя обойти вниманием отношение церкви к этой проблеме. Патриарх Тихон допускал частичное изъятие, обозначая грань, до которой еще возможны были компромиссы, но за которую церковь уже не могла выходить, в противном случае нарушались церковные каноны. Однако в это время декрет уже готовился к изданию и вопрос церковного золота был предрешен. А позиция патриарха, предусматривавшего возможность частичной сдачи церковного достояния для спасения голодающих, была использована против него.

Разрешив публикацию послания патриарха Тихона от 19 февраля 1922 г., власти воспользовались этим, чтобы организовать на страницах правительственных газет резкие выпады против руководителей церкви, обвинив их в нежелании помочь голодающим.

28 февраля 1922 г. патриарх Тихон обратился с воззванием ко всем «верующим чадам Российской Православной церкви», в котором осудил декрет как «акт святотатства»: «С точки зрения церкви подобный акт является актом святотатства... Мы допустили, ввиду чрезвычайно тяжких обстоятельств, возможность пожертвования церковных предметов, не освященных и не имеющих богослужебного употребления. Мы призываем верующих чад церкви и ныне к таковым жертвованиям, лишь одного желая, чтобы эти жертвования были откликом любящего сердца на нужды ближнего, лишь бы они действительно оказывали реальную помощь страждущим братьям нашим. Но мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской церкви и карается Ею как святотатство...» [3, с. 190] Отношение патриарха Тихона к декрету разделялось большинством православных верующих.

Однако позиция власти по отношению к духовенству и церкви была крайне негативной. Противостояние государственной и церковной власти было использовано для уничтожения и дискредитации церкви в глазах верующих, всего народа. В телеграмме ГПУ из Москвы от 1 апреля 1922 г. говорилось: «Циркулярно. Всем Губотделам ГПУ. Нами отмечено, что Комиссии по изъятию церковных ценностей и местная печать ведут одностороннюю кампанию, наваливаясь исключительно на духовенство православной церкви, что может вызвать недовольство русского религиозного населения на другие инаковерующие круги населения. Во избежание этой односторонности... повести устную и путем печати усиленную агиткомпанию не только против духовенства православной церкви, но и против служащих других культов, противящихся изъятию ценностей...» [4, д. 725, л. 21].

Кампания по изъятию церковных ценностей, начавшаяся весной 1922 г., превратилась в полную конфискацию церковного имущества. В зашифрованной телеграмме (вся документация и официальная переписка, касающаяся изъятия церковных ценностей, велась в зашифрованном виде под грифом «секретно», «весьма секретно») председателю ВЦИК М.И. Калинину из Самарского Губкома РКП(б) говорилось по этому поводу: «В Самарской губернии никаких исключений по отношению храмов всех вероисповеданий не было. Изымается все, оставляются не серебряные вещи...» [5, д. 350, л. 44].

Осознавая неотвратимость наступающей на церковь беды, патриарх Тихон в опубликованном 15 марта 1922 г. в «Известиях ВЦИК» заявлении призвал Комиссию по изъятию при Помголе с «должной осторожностью отнестись к ликвидации ценного имущества», не предпринимать разрушения и переплавки наиболее выдающихся с историко-художественной точки зрения богослужебных предметов. В то же время патриарх предупреждал, что у церкви нет такого количества золота, что выреченная

сумма от продажи церковных предметов не будет столь значительна, какой ожидает увидеть ее центральная власть. В своем обращении Тихон попытался предотвратить подозрение в сокрытии церковью драгоценных вещей и потому неизбежно возникающую злобу к ней.

Предвидя недовольство верующих и возможные их с властями столкновения, в Новгороде митрополит Арсений обратился к пастве с воззванием: «Если у нас есть что пожертвовать взамен церковных вещей, не упустим этой возможности. Если же нечем жертвовать, то и без золота и серебра храмы наши останутся храмами и св. иконы св. иконами... Прошу вас не допускать при этом никакого насилия в той или иной форме» [6, с. 143]. И все же по губернии прокатилась волна народного недовольства ограблением церквей. В Старой Руссе столкновения верующих с властями не обошлись без человеческих жертв. Но на скамью подсудимых сели священники, обвиненные в фанатизме и вредном воздействии на прихожан: несколько священников были приговорены к расстрелу. Суд призвал власть отдать под суд патриарха Тихона и митрополита Арсения.

Епископ Самарский Павел, уже будучи в заключении, обратился к народу с письмом по поводу изъятия церковных ценностей: «...Из газет я узнал о воззвании патриарха Тихона и о декрете правительства об изъятии... Раз советская власть церковные ценности признает достоянием народа, мы должны беспрепятственно выдать их... Всякие протесты и беспорядки по поводу изъятия ценностей из храмов я осуждаю, не желаю, чтобы пролилась хоть капля человеческой крови...» [4, д. 725, л. 118–119] Источники свидетельствуют, что духовенство, с одной стороны, пыталось призвать верующих к спокойствию и предотвратить возможные жертвы, а с другой стороны, было против открытого гонения церкви и ее разграбления.

В то время как по всей стране разворачивалась широкая кампания по изъятию церковных ценностей, церковь стала объектом жестоких нападков в прессе. Отношение церкви к изъятию было объявлено «контрреволюционной позицией». Так, доклад ГПУ в Совнарком 20 марта 1922 г. о деятельности духовенства в связи с изъятием ценностей из церквей вообще призывал к аресту и осуждению патриарха и всех церковных служителей: «Патриарх Тихон и окружающая его свора высших иерархов... в противовес декрета ВЦИК об изъятии церковных ценностей, ведут определенную контрреволюционную и ничем не прикрытую работу против изъятия церковных ценностей. ГПУ находит, что арест синода и патриарха сейчас своевременны, что всех попов и церковников, резко выступающих против изъятия ценностей из церквей, необходимо выслать в самые голодные районы голодающего Поволжья, где их афишировать перед местным голодным населением как врагов народа...» [7, с. 92–93].

Больше всего опасение властей вызывало нарастающее волнение в народе по поводу конфискации церковного имущества. Эту ситуацию иллюстрируют информационные сводки ГПУ «о политических настроениях верующих» из различных районов страны:

«Новгородская губерния. Отношение к изъятию церковных ценностей со стороны масс враждебное... Выезжающих на места представителей Комиссии не допускают к работе.

Московская губерния. В Коломенском уезде духовенство усиленно ведет агитацию на митингах и собраниях верующих против изъятия церковных ценностей в пользу голодающих.

Харьковская губерния. В связи с декретом об изъятии церковных ценностей усиливается контрреволюционная агитация» [5, д. 381, л. 40–49]. Необходимо отметить, что настроение духовенства и населения по отношению к изъятию было настороженное и беспокойное даже в районах, более всего страдающих от голода. Примером

тому может служить Сызранский уезд Симбирской губернии [8, д. 280, л. 14 об.]. Главной проблемой для верующих был вопрос: «дойдет ли церковное золото до голодающих?».

В отчетах уездных комиссий по изъятию церковных ценностей по Симбирской губернии осторожно отмечалось: «среди населения закрадывается сомнение, действительно ли изъятые из церквей золото попадет в фонд помощи голодающим. Принимаются меры к разъяснению».

По Рогожско-Симоновскому району Москвы распространялась листовка «куда идет церковное золото», открыто назвавшая изъятие ограблением, никак не связанным с решением проблемы голода.

Собрания, прошедшие в уездах Московской губернии, продемонстрировали такое же отношение к изъятию. Рабочие Яхромской фабрики Дмитровского уезда заявили, что «протестуют против принудительного отбора церковных ценностей, потому что все отобранное не последует по назначению и только сотая часть собранного пойдет на помощь голодающим, все остальное золото и все ценности уйдут на уплату царских долгов». Крестьяне деревни Сабурово Московского уезда не дали даже выступить агитатору и, «приведя в пример его золотые зубы, указали, что «ценности пойдут на золотые зубы коммунистов» [8, д. 336, л. 79]. В наиболее резкой и острой форме протестовали верующие центральных губерний России: Тамбовской, Смоленской, Калужской, Орловской и некоторых других. Первое известие о столкновении верующих с властями пришло из Шуи. 17 марта 1922 г. секретарь Иваново-Вознесенского Губкома РКП(б) И.И. Коротков сообщал в ЦК РКП(б), что «в Шую 15 марта в связи с изъятием церковных ценностей под влиянием попов, монархистов и эсеров толпой было произведено нападение на милицию и взвод красноармейцев. Часть красноармейцев была разоружена демонстрацией. Из пулеметов и винтовок частями ЧОН и красноармейцами 146 полка толпа была разогнана в результате 5 убитых и 15 раненых зарегистрировано больницей... В 11 с половиной часов 15 марта на этой же почве встали 2 фабрики. К вечеру в городе установили порядок. 16-го утром, как обычно, рабочие фабрик приступили к работе. Настроение обывателей и части рабочих подавленное, но не возбужденное. Губисполком выделил специальную Комиссию для расследования событий. Подробности письмом» [10, с. 125]. Безоружные верующие не могли оказать какого-либо организованного сопротивления вооруженным представителям «частей особого назначения». Локальное сопротивление в уездном городке приобрело значение открытого антиправительственного выступления и первого кровопролития в ходе кампании по изъятию церковных ценностей, послужившего поводом для наступления власти на церковь. В результате этого события были приговорены к расстрелу Ревтрибуналом четверо участников событий; вся тяжесть наказания была возложена на священников. Всего было осуждено 19 человек. В Шую, как в зеркале, отразилось охватившее Россию движение против конфискации ценностей, по сути, разграбления православных храмов.

Сопrotивление верующих зачастую приводило к конфликтам с властями, оканчивавшимся столкновениями с жертвами. Таких столкновений между уполномоченными представителями властей и верующими с начала весны 1922 г. было отмечено 1414. А в течение 1922–1923 гг. были уничтожены 2691 священник, 1962 монаха и 3447 монахинь [11, с. 69]. Было расстреляно 32 митрополита и архиепископа; патриарх Тихон был арестован в мае 1922 г.

Итак, кампания по изъятию церковных ценностей по всей территории России воспринималась духовенством и верующими болезненно, часто приводила к многочисленным жертвам. Одна из задач кампании — подавить сопротивление и открытую оппозицию со стороны церкви — была с успехом выполнена, хотя и с трагическими

последствиями. Антирелигиозная пропаганда, начатая в прессе, поводом к которой стало сопротивление духовенства и прихожан открытому разграблению храмов, продолжалась и в последующие годы [12, с. 42–43].

За исторически короткий период времени — с марта по август 1922 г. — была проведена грандиозная работа по изъятию драгоценной церковной утвари из храмов, лавр, монастырей. По России насчитывалось около 80 тысяч христианских церквей, главным образом православных; только в уездах Московской губернии их было порядка 1272 [13, д. 78, л. 7] — в ходе кампании по изъятию ценностей практически все они были подвергнуты конфискации имущества.

Как сообщала самарская газета «Крестьянская правда», большую ценность представляла собой изъятая из Киево-Печерской лавры — колыбели христианства на Руси — золотая риза с иконы Божьей матери, усыпанная 550 бриллиантами, весом 92 карата, жемчужинами и другими драгоценными камнями. Одна эта риза по стоимости равнялась 100 вагонам хлеба [14, с. 1]. Не менее драгоценные церковные вещи, выполненные искуснейшими ювелирами целых поколений, конфисковывались из всех старинных храмов.

Изъятие церковных ценностей шло быстрыми темпами по всем губерниям России [15, д. 832, л. 15, 53, 59, 61; д. 1356, л. 14; д. 802, л. 15]. Изъятые ценности направлялись из губерний в Гохран. Так, 26 июля 1922 г. Сызранская уездная подкомиссия Симбирской губкомиссии по изъятию церковных ценностей произвела передачу ценностей Сызранскому уфинотделу: «серебра 40 пудов 29 фунтов 43,5 золотника; золота 38 золотников 77 долей 4 грамма; бриллиантов крупных 21 шт.; бриллиантов мелких 54 шт.; топазов 4 шт.; изумрудов 8 шт.; сапфиров 1 шт.; рубинов 1 шт.; уральских аметистов 1 шт.» [8, д. 327, л. 20; 16, д. 1068, л. 50]. Аналогичные сведения поступали из других уездов Симбирской губернии и по всей России.

В Самарской губернии изъятие ценностей закончилось к середине июня 1922 г. Данные об общем количестве драгоценностей, изъятых из самарских храмов, содержатся в справке о церковных ценностях, «принятых из церквей г. Самары, пригородных районов и уездных городов на 1 сентября 1922 г.»: «золотых изделий 3 фунта 11 долей; серебряных изделий 152 пуда 36 фунтов 35 долей; полотна, шитого жемчугом, 1 фунт 56 золотников 59 долей; разной серебряной монеты 1 327 руб. 79 коп.; бриллиантов 328 шт.; алмазов 267 шт.; аметистов 23 шт.; кобишонов 4 шт.; изумрудов 148 шт.; рубинов 85 шт.; сапфиров 3 шт.» [4, д. 723, л. 11–25; д. 725, л. 1, 3, 5].

Каково же общее количество драгоценных металлов и камней, изъятых из российских храмов? Об этом говорят цифры ведомостей о принятых Гохраном ценностях, изъятых из церквей по РСФСР с начала кампании по 7 августа 1922 г.: золота — 17 пудов 36 фунтов 32 золотника 86 долей; серебра — 16 518 пудов 19 фунтов 54 золотника 16 долей; меди — 62 пуда 36 фунтов 3 золотника 3 доли; платины — 8 золотников; золотых вещей — 2 пуда 16 фунтов 37 золотников; серебряных вещей — 31 пуд 10 фунтов 43 золотника; золотых монет — 2 025 руб.; серебряных монет — 12 923 руб. 42 коп.; жемчуга — 1 пуд 21 фунт 53 золотника 54,5 доли; драгоценных камней — 1 пуд 13 фунтов 42 золотника 1 доля [17, д. 179, л. 4; 15, д. 32, л. 31]. Очевидно, что по всей стране было собрано колоссальное количество церковных драгоценностей, которые были призваны помочь голодающим поддержать свое существование до нового урожая.

Целью изъятия церковных ценностей была закупка хлеба за границей для голодающих. Архивные источники свидетельствуют, что в общей сложности за границей было приобретено «несколько сот тысяч пудов хлеба», кроме того, в Самарскую губернию в июне прибыл специальный продовольственный маршрут в составе 31 вагона зерна [18, д. 214, л. 17]. Без сомнения, этот хлеб стал спасением для тысяч людей,

однако этого было очень мало для того чтобы накормить всех голодающих и нуждающихся в государственной помощи жителей неурожайных районов.

Кампания по изъятию церковных ценностей стала серьезным ударом по церкви как институту. Представители духовенства, пытавшиеся создать церковные структуры (комитеты) по борьбе с голодом, были арестованы. Власть боялась укрепления авторитета церкви в глазах народа, стремилась ее всячески дискредитировать. Главными причинами наступления на церковь со стороны Советской власти в начале 20-х годов было, во-первых, ее мощное влияние на моральное сознание народа, которое шло вразрез с марксистской идеологией и пропагандой большевиков и воспринималось как «конкурирующая» сила для коммунистической идеи в массовом сознании. Во-вторых, новой власти было необходимо оперативно уничтожить все прежние государственные институты, ассоциируемые в обществе с прежним укладом жизни, вековыми обычаями и традициями, – таким институтом была церковь («Мы наш, мы новый мир построим» – слова пролетарского гимна). В-третьих, атеистическая идеология не вписывалась в традиционную религиозную картину мира, сложившуюся в общественном сознании («Религия – яд, береги ребят!» – призыв на плакате начала 20-х годов). В-четвертых, духовенство и священнослужители стали «классово чуждым элементом» и места в социальной структуре нового общества для них не было. В-пятых, советская власть получила возможность, используя неограниченные административные ресурсы, национализировать собственность и имущество, принадлежащие церкви.

Библиографический список

1. Собрание узаконений РСФСР (СУ). 1922. № 19. Ст. 217.
2. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 81. Оп. 1.
3. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, 1994.
4. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 1. Оп. 1.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84.
6. Савинова И.Д. Дело митрополита Арсения Стадницкого // Вопросы истории. 1999. № 6. С. 139–144.
7. Русская православная церковь и коммунистическое государство 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996.
8. Государственный архив г. Сызрани. Ф. 9. Оп. 1.
9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60.
10. Кривова Н.А. Власть и русская православная церковь в 1922–1925 гг. (Политика ЦК РКП(б) по отношению к религии и церкви и ее осуществление органами ГПУ–ОГПУ): дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998.
11. Русская православная церковь и коммунистическое государство 1917–1941. М., 1996.
12. Степанов Н. Позор, которым навсегда покрыло себя духовенство // Коммунист. Куйбышев, 1937. № 21. С. 42–43.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1065. Оп. 4.
14. Крестьянская правда. 1922. 27 мая.
15. Саратовский областной государственный архив социально-политической истории (СарОГАСПИ). Ф. 27. Оп. 2.

16. Центральный государственный архив Ульяновской области (ЦГАУО). Ф. 200. Оп. 2.
17. ГАРФ. Ф. 1064. Оп. 5.
18. ЦГАСО. Ф. 56. Оп. 1.

*L.B. Zakharova**

**THE RELATIONS BETWEEN THE AUTHORITIES AND THE CHURCH
IN THE BEGINNING OF THE 1920-IES: THE CAMPAIGN
TO SEIZE CHURCH PROPERTY**

The article is devoted to the problem of relations between state and church in the beginning of 1920-ies. One of the main events in this period was the campaign to seize church property in connection with the famine in the Volga region of 1921–1922-s. Requisitioning of church valuables pursued in more than financial and material resources, but, rather, political and ideological interests of the state.

Key words: requisitioning of church valuables, Samara province, famine in the Volga region, church, patriarch Tikhon.

* *Zakharova Lyudmila Borisovna* (zakharova_luda@mail.ru), the Dept. of Humanities and Legal Disciplines, Samara Academy of State and Municipal Management, Samara, 443084, Russian Federation.